

A dark, ornate wooden wardrobe stands in the center of a dimly lit room. The wardrobe has two doors with vertical panels and small knobs. The room has a teal wall and a patterned rug on the floor. The title "СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ" is written in a white, stylized font across the middle of the image.

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Страшные Истории

<https://litres.ru/74649907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывает шкаф, из которого доносится колыбельная? Почему отражение в зеркале иногда опаздывает? Кто стучит в окно с другой стороны стекла — и почему не улетает?

В каждой истории есть правило, которое лучше не нарушать. В каждой — вопрос, на который нет ответа. И в каждой — финал, после которого захочется оглянуться.

Тринадцать страшилок для смелых читателей, которые не боятся заглянуть в тёмный угол — и проверить, что там. Потому что иногда самое страшное — не то, что ты увидел, а то, что увидело тебя.

Для детей среднего школьного возраста, а также для всех, кто помнит, что скрип половиц по ночам — это не просто скрип.

Содержание

Оливер и шкаф с музыкой	4
Мия и кукла без лица	13
Каспар и эхо в колодце	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Eyforis Lurt

Страшные Истории

Оливер и шкаф с музыкой

Переезд в новый дом всегда начинается с запаха. Оливер понял это еще в семь лет, когда они с родителями впервые сменили квартиру. Тогда это был запах свежей краски и картона. Теперь, когда ему было двенадцать, он стоял на пороге огромного, мрачного особняка на окраине города, в котором пахло сыростью, старой бумагой и чем-то неуловимо сладковатым, похожим на засушенные цветы. Родители называли это «историческим наследием» и «выгодным вложением», но для Оливера это было место, где скрипели половицы, а тени в углах казались слишком густыми.

Дом достался им от дальней родственницы матери, старухи, о которой в семье говорили шепотом и всегда с какой-то странной интонацией — смесью жалости и страха. Оливер слышал обрывки фраз: «она так и не смогла уехать», «говорила, что он не отпускает», «странная была женщина». Но родители, люди практичные и вечно занятые, отмахнулись от этих рассказов, решив, что старый дом — идеальное место для тихой жизни подальше от городской суеты.

Комната Оливера находилась на втором этаже, в самом

конце длинного коридора. Это была угловая комната с высоким потолком и одним большим окном, выходящим в заросший сад. Но больше всего внимания привлекал не вид из окна и не лепнина на потолке, а шкаф.

Это был не просто предмет мебели. Это был исполин, занимавший всю стену напротив кровати. Темный, почти черный дуб, покрытый замысловатой резьбой, изображавшей переплетенные ветви и листья. Он казался старше самого дома, и Оливеру при первой же встрече показалось, что шкаф смотрит на него. У него было две массивные дверцы с тяжелыми бронзовыми ручками в виде львиных голов. Когда родители ушли готовить ужин, Оливер остался один в своей новой комнате. Он медленно подошел к шкафу и провел рукой по шершавому дереву. Оно было холодным, словно лед, несмотря на теплый вечер.

Первая ночь прошла спокойно. Мальчик устал с дороги и уснул, едва коснувшись подушки. Но вторая ночь изменила всё.

Оливер проснулся от тишины. Это была не обычная тишина, когда за окном не шумит ветер. Это была звенящая, давящая тишина, в которой слышался стук собственного сердца. Он лежал, боясь пошевелиться, и смотрел в темноту. Луна едва пробивалась сквозь плотные шторы, оставляя на полу бледные полосы света.

И тут он услышал это.

Сначала это было похоже на шелест листьев, но слишком

ритмичный. Затем звук оформился в мелодию. Тихая, тягучая колыбельная лилась откуда-то из глубины комнаты. Оливер затаил дыхание. Мелодия была странной — она не имела слов, но в ней чувствовалась какая-то древняя, тоскливая грусть. Звук шел из шкафа.

Мальчик сел на кровати, вглядываясь в темный силуэт гигантской мебели. Музыка не прекращалась. Она то затихала, становясь почти неслышной, то нарастала, заполняя всю комнату. Казалось, что звук вибрирует в деревянных панелях шкафа. Оливер включил ночник на тумбочке. Тусклый желтый свет разогнал тени, но музыка не исчезла. Она стала даже отчетливее.

Оливер был не из пугливых. Он часто смотрел фильмы ужасов и знал, что обычно «монстр» прячется в шкафу. Но это было в кино. Здесь же, в реальности, ему было просто любопытно. Он встал с кровати, стараясь ступать мягко, чтобы не скрипнуть половицами, и подошел к шкафу. Музыка, казалось, стала громче, когда он приблизился. Она манила его.

Он взялся за холодные бронзовые ручки. Они были тяжелыми и какими-то влажными на ощупь. Оливер потянул на себя дверцы. Они открылись с громким, протяжным скрипом, который на мгновение заглушил музыку.

Внутри шкафа было пусто. Абсолютно пусто.

Ни полок, ни старых вещей, ни пыли. Только темное дерево, обитое выцветшей бархатной тканью, и одна-единствен-

ная вешалка, висящая на перекладине по центру. Она была сделана из простого дерева, без каких-либо украшений. Оливер заглянул внутрь, потрогал заднюю стенку. Пусто. Он разочарованно вздохнул. Музыка прекратилась, как только дверцы распахнулись. Тишина вернулась, и теперь она казалась еще более зловещей.

«Просто ветер», — подумал Оливер. «Старый дом, сквозняки, вот и все».

Он закрыл дверцы шкафа. Щелчок замка прозвучал в тишине как выстрел.

И в ту же секунду колыбельная зазвучала снова.

На этот раз она была не просто мелодией. Теперь кто-то пел. Голос был тихим, немного хрипловатым, но удивительно знакомым. Оливер замер, не убирая рук от ручек шкафа. Он слушал.

«Спи, мой хороший, спи, мой родной...»

Слова были простыми, но исполнение... Оливер с ужасом осознал, что это его собственный голос. Он никогда не пел эту песню, никогда не слышал её раньше, но тембр, интонации, манера тянуть гласные — это был он. Его голос звучал из шкафа, напевая колыбельную, которую он не знал.

Оливер резко обернулся.

В комнате никого не было.

Только его кровать, тумбочка, окно и он сам, стоящий посреди комнаты. Но голос продолжал звучать. Он доносился не из шкафа. Оливер прислушался, чувствуя, как холодный

пот стекает по спине. Звук шел снизу. Он доносился из-под его кровати.

Мальчик посмотрел на кровать. Она стояла на высоких ножках, и под ней было темное пространство, куда не доставал свет ночника. Колыбельная лилась оттуда, из этой темноты. Голос пел все громче, и теперь в нем слышались нотки, которых не было раньше — нотки злорадства.

«...и никто не найдет тебя, пока ты спишь...»

Оливер почувствовал, как его ноги приросли к полу. Он хотел закричать, позвать родителей, но горло сжало спазмом. Он смотрел на темный проем под кроватью, и ему казалось, что оттуда на него смотрят глаза. Много глаз. Они не мигали, они просто смотрели.

Колыбельная оборвалась на полуслове.

Наступила тишина, которая была хуже любого звука. Оливер стоял, не в силах пошевелиться, ожидая, что что-то вылезет оттуда. Секунды тянулись как часы. Ничего не происходило. Медленно, очень медленно он сделал шаг назад, к двери. Затем еще один. И еще.

Он выбежал из комнаты, не оглядываясь, и бросился в спальню родителей. Он разбудил их, пытаясь объяснить, что в его комнате поет голос, что под кроватью кто-то есть. Отец, сонный и раздраженный, пошел проверить. Он включил свет, заглянул под кровать, открыл шкаф, потрогал стены.

— Ничего здесь нет, Оливер, — сказал он устало. — Это

старый дом, он скрипит и шумит. Ты просто перенервничал из-за переезда. Иди спать.

Оливер не мог уснуть. Он лежал в своей кровати, накрывшись одеялом с головой, и слушал. Он ждал, что колыбельная зазвучит снова. Но в ту ночь больше ничего не произошло. Он пролежал до утра, глядя, как за окном светлеет небо, и думал о голосе. О том, как он пел. Это был его голос. Это пугало больше всего.

На следующий день Оливер попытался найти информацию о доме. Он залез в интернет, но там было лишь несколько старых фотографий и краткое упоминание о том, что дом принадлежал семье Салливанов с конца XIX века. Никаких страшных историй, никаких легенд. Он спросил у матери про ту старуху, что здесь жила. Мать лишь пожала плечами и сказала, что тетя Мэй была странной, жила одна, ни с кем не общалась, и её нашли мертвой в этом самом доме. Говорят, она просто не проснулась.

«Не проснулась», — эхом отозвалось в голове Оливера.

Днем дом казался вполне обычным. Скрипели полы, пахло пылью, но ничего сверхъестественного не происходило. Оливер даже заставил себя зайти в свою комнату и заглянуть под кровать. Там были только старые коробки и клубы пыли. Он открыл шкаф — пустая вешалка, как всегда.

Но с наступлением темноты всё изменилось.

В ту ночь Оливер лег спать, оставив ночник включенным. Он решил, что свет будет его защитой. Он лег, повернувшись

лицом к шкафу, и стал смотреть на его темный силуэт. Время шло. Глаза слипались, но он боролся со сном. И вот, когда часы на первом этаже пробили полночь, музыка зазвучала снова.

На этот раз она началась не с мелодии. Сначала раздался тихий, сухой звук, похожий на то, как если бы кто-то царапал ногтем по дереву. Звук шел из шкафа. Затем к нему присоединился скрип. Оливер с ужасом увидел, как дверцы шкафа медленно, сами по себе, начали открываться. Они распахнулись настежь, и оттуда полилась колыбельная.

Но теперь она звучала иначе. Она была быстрее, ритмичнее. И голос... Голос больше не просто пел. Он шептал.

«Оливер... Оливер... подойди ко мне...»

Мальчик вжался в подушки, натянув одеяло до подбородка. Он хотел закричать, но не мог. Шкаф открылся, и из него, из темноты, начала вытекать тень. Она не была похожа на человеческую. Она была бесформенной, как чернильное пятно, и она двигалась. Она стекала по полу, направляясь к кровати.

Колыбельная стала громче, и теперь в ней слышался смех. Тихий, детский смех.

Оливер зажмурился. Он лежал, дрожа всем телом, и молился, чтобы это прекратилось. Он чувствовал, как холод подбирается к нему, как что-то касается края одеяла. Он хотел позвать отца, но знал, что не сможет издать ни звука.

И тут раздался голос. Голос, который он уже слышал про-

шлой ночью. Его собственный голос, но исходящий откуда-то из комнаты.

«Не смотри на него. Закрой глаза. Он не сможет ничего сделать, если ты не будешь смотреть».

Оливер не понимал, что происходит. Он не открывал рот. Он не произносил этих слов. Но голос был его. Он звучал прямо у него в голове, но в то же время — извне. Он звучал отовсюду.

Оливер зажмурился еще сильнее, вцепившись в одеяло. Он чувствовал, как холодное дыхание касается его щеки, как что-то шепчет ему на ухо.

«Спи, мой хороший...»

А потом всё стихло.

Оливер открыл глаза. В комнате было темно. Шкаф был закрыт. Но он знал, что что-то изменилось. Он чувствовал, что в комнате он не один. Он медленно повернул голову к кровати.

На краю кровати, у его ног, сидел мальчик. Он был бледным, почти прозрачным, в старомодной одежде. Он смотрел на Оливера и улыбался. Это был не злой оскал, а скорее грустная, понимающая улыбка.

— Ты кто? — прошептал Оливер, чувствуя, как страх отступает перед странным спокойствием.

— Я — тот, кто живет здесь, — ответил мальчик. — Меня зовут так же, как и тебя. Я тоже когда-то был Оливером. Я тоже боялся шкафа. Но я понял, что он не хочет нам зла.

— Кому «нам»? — не понял Оливер.

— Тем, кто остается. Он забирает тех, кто боится. Он кормится страхом. Но если ты не боишься, он не может тебе навредить. Он просто поет свою песню.

— Но почему он поет моим голосом?

— Потому что он хочет тебя запутать. Он хочет, чтобы ты думал, что это ты. Чтобы ты потерял себя. Он умеет играть с воспоминаниями.

Оливер смотрел на призрачного мальчика. Тот выглядел грустным.

— Ты... ты застрял здесь? — спросил Оливер.

— Я не могу уйти, — покачал головой мальчик. — Я слишком долго боялся. Я стал частью этого дома. Но ты можешь. Ты не должен слушать его. Не смотри на него, не обращай внимания. Он теряет силу, когда его игнорируют.

Мальчик исчез так же внезапно, как и появился. Оливер остался один в темной комнате. Он смотрел на шкаф. Теперь он знал правду. Шкаф не был порталом в ад. Он был паразитом, который питался страхом.

Оливер решил, что больше не будет бояться. Он встал с кровати, подошел к шкафу и открыл его. Внутри было пусто. Только вешалка. Он взял её в руки, повертел и повесил обратно.

— Я не боюсь тебя, — сказал он тихо.

В ту ночь он спал спокойно. Шкаф молчал.

Мия и кукла без лица

Чердак всегда был для Мии местом тайным и запретным. Родители говорили, что там пыльно, опасно и вообще нечего делать, но именно поэтому девочка каждое лето, приезжая на каникулы к бабушке, пробиралась туда. Старый дом, доставшийся бабушке от её матери, хранил в себе множество сокровищ: коробки со старыми фотографиями, сундуки с выцветшими платьями, сломанные часы и книги с пожелтевшими страницами. Мии было десять, и она обожала исследовать этот мир, пахнувший нафталином и временем.

В то утро бабушка ушла на рынок, а Мия, вооружившись фонариком и старым пледом, снова забралась на чердак. Солнечный свет пробивался сквозь единственное пыльное окошко, освещая танцующие в воздухе пылинки. Девочка пробиралась между коробками, пока не наткнулась на странный сундук в самом дальнем углу. Он был обит потемневшей от времени кожей и заперт на маленький ржавый замок. Замок поддался не сразу, но Мия была упрямой. Она дернула крышку, и та со скрипом отворилась.

Внутри, завернутая в бархатную ткань, лежала кукла.

Мия видела много кукол в своей жизни — и современных пластиковых, и старинных фарфоровых в музеях. Но эта была другой. У неё было тело из гладкого, холодного фарфора, аккуратные ручки и ножки, одетые в кружевное платье, ко-

гда-то, наверное, белоснежное, а теперь серое от пыли. На голове куклы были темные волосы, заплетенные в две косички. Но самое странное — у куклы не было лица.

Там, где должны были быть глаза, нос и рот, фарфор был абсолютно гладким. Ни единой линии, ни единого штриха. Мия провела пальцем по этому пустому месту. Оно было холодным, как лёд. Девочке стало немного не по себе, но в то же время её охватило любопытство.

— Бедняжка, — прошептала она. — Кто же тебя так оставил?

Она завернула куклу в плед и спустилась вниз. В своей комнате Мия усадила находку на письменный стол и задумалась. Кукла без лица казалась незаконченной, словно художник бросил работу на полпути. И тут девочке пришла в голову идея. Она достала из пенала чёрный маркер, тот самый, которым подписывала тетради и рисовала забавные рожицы на полях.

Сначала она нарисовала глаза. Большие, с длинными ресницами, как у принцесс из мультфильмов. Потом маленький носик, две точки. Затем — улыбку. Широкая, весёлая, до ушей. Мия отстранилась и посмотрела на свою работу. Кукла улыбалась ей. Теперь у неё было лицо, пусть и нарисованное грубовато, но живое. Девочка почувствовала странное удовлетворение, словно исправила какую-то давнюю несправедливость.

Она положила куклу на подоконник, чтобы та «смотрела»

в сад, и убежала вниз ужинать. Бабушка вернулась с рынком, и вечер прошёл спокойно. Мия никому не рассказала о находке, решив, что это будет её маленький секрет.

Ночью девочка спала крепко, как обычно. Ей снились какие-то смутные образы: длинные коридоры, закрытые двери и тихий смех. Она проснулась оттого, что в комнате стало слишком тихо. Обычно за окном шумел ветер или кричали ночные птицы, но сейчас стояла абсолютная, звенящая тишина. Мия повернулась на другой бок и вздрогнула.

Кукла лежала на подоконнике, но что-то было не так. Девочка села в кровати, протирая глаза. Светало. Серый утренний свет проникал в комнату, и в этом свете Мия увидела, что кукла больше не лежит на подоконнике. Она сидела. Прямо. И смотрела на кровать. Мия замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Она точно помнила, что оставила куклу в лежачем положении, прислонив к стеклу.

Девочка медленно встала и подошла к подоконнику. Кукла сидела, вытянувшись в струнку, а её нарисованные глаза, казалось, следили за каждым движением Мии. Но это было ещё не всё. Улыбка. Она изменилась. Та широкая, весёлая улыбка, которую Мия нарисовала вчера, теперь стала тоньше, сдержаннее. И глаза... они были немного больше, чем вчера, и в них появилось что-то новое, какая-то глубина. Мия посмотрела на куклу внимательнее и с ужасом поняла, что лицо, нарисованное маркером, изменилось. Оно стало похоже на её собственное.

Те же очертания глаз, тот же изгиб губ. Это было её лицо, перенесённое на фарфор. Мия отшатнулась. Маркер лежал на столе, там же, где она его оставила. Но рисунок... он изменился сам по себе.

— Мама! — крикнула Мия, но голос её сорвался. Она вспомнила, что мама с папой приедут только через неделю, а бабушка, наверное, ещё спит.

Девочка схватила куклу и побежала в ванную. Она намочила ватный диск и яростно принялась тереть фарфоровое лицо. Чёрные линии расплывались, стирались, превращаясь в грязные разводы. Мия тёрла до тех пор, пока лицо куклы снова не стало абсолютно чистым, гладким и пустым. Она вытерла куклу насухо полотенцем и спрятала её в самый дальний ящик комода, под старые свитера. Затем она вернулась в кровать, но уснуть уже не смогла. Она лежала, глядя в потолок, и слушала, как просыпается дом.

Днём Мия старалась не думать о случившемся. Она гуляла в саду, помогала бабушке печь пирог, читала книгу. Кукла в комode казалась ей просто глупой игрушкой, а утреннее происшествие — игрой воображения. Ну кто мог нарисовать ей лицо, похожее на её собственное? Только она сама, но она этого не делала. Значит, ей просто показалось. Она плохо проснулась, вот и всё.

Но на следующее утро всё повторилось.

Мия проснулась от странного ощущения, что в комнате кто-то есть. Она открыла глаза и увидела куклу. Та лежала

на соседней подушке, рядом с её головой. Лицо куклы было чистым, без единой линии, но в руке она держала чёрный маркер. Тот самый маркер, который Мия вчера вечером положила в пенал на столе.

Девочка вскочила как ужаленная. Сердце колотилось где-то в горле. Она схватила куклу и швырнула её на пол. Фарфор глухо стукнулся о деревянный пол, но не разбился. Мия подбежала к комоду и распахнула ящик. Пусто. Свитера были аккуратно сложены, но куклы там не было. Она снова посмотрела на куклу на полу. Та лежала лицом вверх, и на её пустом фарфоровом лице медленно, словно проявляясь изнутри, начали проступать черты. Глаза. Нос. Губы. Это было лицо её мамы. Точная копия: те же добрые морщинки у глаз, тот же мягкий изгиб губ, та же родинка на левой щеке.

Мия закричала. Она кричала так громко, что бабушка прибежала из своей комнаты, перепуганная насмерть. Девочка не могла ничего объяснить. Она просто тыкала пальцем в куклу, лежащую на полу, и повторяла:

— Это не я! Это не я нарисовала!

Бабушка подняла куклу, повертела её в руках. Лицо было чистым, как и прежде.

— Мия, милая, что случилось? — бабушка выглядела растерянной. — Ты, наверное, увидела плохой сон.

— Нет! — Мия выхватила куклу из рук бабушки и показала ей. — Смотри! Вот же! Это лицо мамы! Она нарисовала сама!

Но когда Мия посмотрела на куклу, она увидела, что лицо снова исчезло. Гладкий, пустой фарфор. Маркер лежал на полу рядом с кроватью. Бабушка покачала головой и сказала, что девочке нужно успокоиться и больше не играть со старыми вещами.

— Эта кукла, наверное, из сундука твоей прабабушки, — сказала бабушка. — Она была странная, эта кукла. Прабабушка говорила, что её нельзя трогать.

— Почему? — прошептала Мия.

— Не знаю, дорогая. Она никогда не объясняла. Просто говорила, что у неё нет лица, потому что она ещё не выбрала, кем хочет быть. И что если дать ей лицо, она захочет забрать его себе.

Бабушка ушла, оставив Мию наедине с куклой. Девочка сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на фарфоровую фигурку. Теперь она поняла, что происходит. Кукла не просто меняла лица. Она копировала их. Она забирала лица тех, кто был рядом. Сначала она взяла лицо Мии. Теперь — лицо её мамы. А что будет дальше? Чьё лицо она заберёт в следующий раз? Бабушки?

Мия поняла, что должна избавиться от куклы. Она не могла её разбить — фарфор был слишком прочным, и девочка боялась, что осколки всё равно что-то сделают. Она не могла её сжечь — запах гари привлечёт внимание. Она решила утопить куклу в реке, которая протекала за домом. Но когда она взяла куклу в руки, чтобы завернуть её в пакет, та пока-

залась ей невероятно тяжёлой. Словно налилась свинцом.

Мия всё равно потащила её к реке. Она шла через сад, мимо старых яблонь, мимо покосившегося забора. Кукла в её руках становилась всё тяжелее, а маркер, который Мия за чем-то сунула в карман, начал жечь ей бедро. Девочка остановилась у воды. Река была тёмной и холодной. Она размахнулась, чтобы бросить куклу, но в последний момент что-то её остановило.

Она посмотрела на куклу. На этот раз лицо не было пустым. На нём проступили черты. Но это было не лицо мамы. И не лицо Мии. Это было лицо старухи. Сморщенное, с запавшими глазами и тонкими, плотно сжатыми губами. Мия никогда не видела эту женщину раньше. Но она почему-то знала, кто это. Прабабушка. Та самая, что оставила куклу на чердаке.

Лицо прабабушки улыбалось. Это была не добрая улыбка. Это была торжествующая, злая улыбка. И в этот момент Мия поняла: кукла не просто копирует лица. Она их коллекционирует. Она забирает их у живых, чтобы стать настоящей. Сначала она взяла лицо Мии, чтобы примерить его. Потом — лицо мамы, чтобы стать ближе. Теперь она показывает лицо прабабушки, той, кто её создала. Но зачем?

Ответ пришёл сам собой. Кукла хотела жить. Она хотела выйти из своего фарфорового тела и стать человеком. И для этого ей нужно было лицо. Одно-единственное, настоящее. Но она не могла выбрать, потому что у неё не было своей

личности. Она была пустым сосудом, который наполнялся чужими отражениями.

Мия разжала руки. Кукла упала в воду и сразу же пошла ко дну. Девочка стояла на берегу, тяжело дыша, и смотрела на тёмную гладь реки. Всё кончилось. Или нет?

Она вернулась домой, стараясь не думать о том, что сделала. Бабушка хлопотала на кухне, ничего не подозревая. Мия поднялась в свою комнату и села за стол. Она достала из пенала маркер и хотела уже убрать его подальше, но тут заметила, что на столе лежит что-то маленькое и белое. Это была фарфоровая ручка. Отломанная кисть куклы. Та самая, что она только что утопила.

Мия в ужасе отшатнулась. Рука куклы лежала на столе, и в ней был зажат чёрный маркер. Девочка посмотрела на свою руку. Маркер был на месте. А потом она поняла: кукла не утонула. Кукла просто вернулась. И теперь она была где-то в доме.

Мия обыскала всю комнату. Она заглянула под кровать, в шкаф, в ящики комода. Куклы нигде не было. Только эта отломанная ручка. Девочка выбросила её в окно, но через минуту слышала тихий стук в стекло. Ручка лежала на подоконнике снаружи, словно просясь обратно.

Мия поняла, что от куклы так просто не избавиться. Она была связана с этим домом, с этой семьёй. Прабабушка создала её, и теперь кукла искала новое лицо. Лицо, которое сможет носить. Лицо Мии.

Девочка просидела в своей комнате до вечера, боясь выйти. Она слышала, как бабушка зовёт её ужинать, но не отвечала. Она смотрела на дверь, ожидая, что вот-вот она откроется и на пороге появится кукла. С лицом бабушки. Или с лицом кого-то ещё.

Когда стемнело, Мия решилась. Она спустилась в подвал, где хранились старые инструменты. Она нашла молоток и вернулась в свою комнату. Теперь она знала, что делать. Она разобьёт куклу на мелкие кусочки и закопает их в разных местах. Но когда она вошла в комнату, кукла уже ждала её. Она сидела на кровати, посреди подушек, и смотрела на Мию. На её лице была улыбка. Широкая, весёлая, та самая, которую Мия нарисовала в первый день. Но глаза... глаза были пустыми. Абсолютно пустыми. Белый фарфор без зрачков.

Мия подняла молоток. Кукла не двигалась. Она просто сидела и улыбалась. И в этот момент девочка поняла, что не может её ударить. Что-то её останавливало. Может быть, страх, а может быть, странное чувство жалости. Кукла была пустой. Она не была злой. Она просто хотела быть кем-то. Хотела иметь лицо, имя, жизнь. Она завидовала Мии, у которой всё это было. И она пыталась это забрать, потому что не знала другого способа.

— Ты не можешь быть мной, — сказала Мия тихо. — Ты — это ты. У тебя нет лица, но это не значит, что ты должна его красть. Ты можешь быть просто куклой. Или можешь быть никем. Но ты не можешь быть мной.

Кукла не ответила. Она просто сидела, и улыбка медленно сползала с её фарфорового лица. Оно снова становилось пустым. Гладким. Безликим.

Мия положила молоток на пол. Она взяла куклу в руки. Та была холодной, но уже не тяжёлой. Девочка отнесла её обратно на чердак, в тот самый сундук, и заперла на замок. Она не знала, поможет ли это. Но она надеялась, что кукла поймёт: её место здесь, среди старых вещей, а не в мире живых.

В ту ночь Мия спала спокойно. Ей ничего не снилось. А утром она обнаружила на своей подушке маленький чёрный маркер. Он лежал там, где она обычно оставляла его перед сном. Но Мия точно помнила, что убрала его в пенал. Она взяла маркер и посмотрела на него. На боку была маленькая царапина, которой раньше не было. Словно кто-то пытался им писать, но не смог.

Мия улыбнулась. Она положила маркер в ящик стола и больше никогда его не трогала. А кукла осталась на чердаке. Иногда, проходя мимо лестницы, ведущей наверх, Мия слышала тихий шорох. Но она никогда не поднималась, чтобы проверить. Она знала: кукла ждёт. Ждёт, когда кто-то снова даст ей лицо. Но Мия больше не собиралась этого делать. Она оставила куклу пустой. И в этой пустоте было что-то гораздо более страшное, чем любое нарисованное лицо. Потому что пустота не имеет границ. И она всегда найдёт, чем заполнить себя.

Каспар и эхо в колодце

Двор бабушкиного дома всегда казался Каспару краем света — маленьким, забытым миром, где время течёт медленнее, чем в городе. Летом, когда родители отправляли его сюда на каникулы, мальчик исследовал каждый уголок: заросший сад с яблонями, покосившийся сарай, забор, увитый диким виноградом. Но было место, которое он обходил стороной, — старый колодец в дальнем конце двора, за кустами крыжовника. Он был сложен из грубого серого камня, поросшего мхом, и накрыт тяжёлой деревянной крышкой, которую бабушка зачем-то придавила кирпичом. Каспару было десять, и он был любопытным. Бабушка запрещала подходить к колодцу, но никогда не объясняла почему. Она просто говорила: «Не трогай, там ничего хорошего нет». Этот запрет только разжигал воображение мальчика.

Однажды в июле, когда бабушка ушла к соседке за солью, Каспар решился. Он пробрался сквозь кусты крыжовника, обдирая руки о колючки, и подошёл к колодцу. Крышка была тяжёлой и влажной, кирпич легко сдвинулся в сторону. Мальчик наклонился над тёмным зевом. Оттуда пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — сладковатым, похожим на застоявшуюся воду. Дна видно не было. Только чернота, густая, как дёготь.

Каспар был смелым мальчиком, но здесь, у края, он по-

чувствовал, как по спине пробежал холодок. Он хотел уже отойти, но что-то его дернуло. Может быть, желание проверить, работает ли эхо. Он сложил руки рупором и крикнул: — Эй!

Голос упал в темноту и растворился. Каспар ждал. Секунда, две, три. Ничего. Он уже собирался уйти, как вдруг из глубины колодца донёлся звук. Это был не его голос. Это был хриплый, надтреснутый шёпот, словно говорил старик, у которого пересохло горло. Шёпот был тихим, но отчётливым: — Кто там?

Каспар отшатнулся. Сердце забилося где-то в горле. Он не стал ждать продолжения. Он развернулся и бросился бежать через кусты, не разбирая дороги, обратно к дому. Он влетел в кухню, тяжело дыша, и запер дверь на задвижку. Бабушка вернулась через час и нашла его сидящим на стуле, бледного и молчаливого. Она спросила, что случилось, но Каспар только покачал головой. Он не мог рассказать. Он сам не понимал, что произошло.

Днём он старался не думать о случившемся. Он убеждал себя, что ему показалось, что это был сквозняк, игра звука, что угодно. Но когда наступила ночь, всё изменилось. Каспар лежал в своей комнате на втором этаже, окно которой выходило во двор. Луна светила ярко, и двор был виден как на ладони. Мальчик не мог уснуть. Он ворочался, слушал скрип половиц и стрекот сверчков. А потом услышал это.

Голос шёл со стороны двора. Он был приглушённым,

словно доносился из-под земли, но Каспар разобрал слова. Хриплый шёпот, тот самый, из колодца, теперь звучал отчётливо и настойчиво:

— Каспар... ты забыл меня здесь...

Мальчик вскочил с кровати и подбежал к окну. Двор был залит лунным светом. Кусты крыжовника отбрасывали длинные тени. И в этом свете, у самого колодца, он увидел её. Бледная, почти белая рука торчала из тёмного зева колодца. Она была неестественно длинной, тонкой, с длинными пальцами. И она махала. Медленно, размеренно, словно приглашая его подойти.

Каспар отпрянул от окна, задернул шторы и забрался под одеяло с головой. Он лежал, дрожа всем телом, и слушал. Голос из колодца не умолкал. Он повторял его имя снова и снова, и в этом звуке была не злость, а какая-то тоскливая обида. Словно Каспар действительно что-то забыл. Словно он был виноват.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.